

него — хотя бы кратким сочувственным упоминанием в рейтинге. Теперь вот ленту прокрутили повторно — в выходной. Спозаранку. Будто специально, чтоб посмотрели ее опять немногие, случайно.

Однако среди документальных лент последнего времени картина Александра Марьямова «Долгая дорога из Фриули» — явление столь приметное и важное, что заслуживало бы совсем иного подхода, совсем иной подачи, совсем иных масштабов аудитории.

Фильм «крутит» вас. Беспощадно, от эпизода к эпизоду, от монолога к монологу, от факта к факту. Рассказывается в нем о казаках — донских, кубанских, терских, яицких.

Кто-то из персонажей этого трагического повествования говорит на добротном русском языке, отдающем старомодностью. Кто-то — по-итальянски, кто-то — на фриульском диалекте. И все повествуют о том, что по-ученому, и притом вполне справедливо, можно было бы назвать диалектикой истории: революции и войны, победы и исходы, вина и возмездие, палачество и жертвенность. Все мы нынче мастера этими категориями оперировать, а то и жонг-

Журнал и оценка: 1992.
Боль 10-17 сент. (134-35)
С. 6.

воспоминаний

лировать. Сегодня с телеэкрана, словно из единого строя, обращается к тебе равнодушный носитель прерванной традиции, предпринимающий благое усилие восстановить связь времен. А рядом с ним — ряженный, надевший старую форму и возрождающий старые раздоры.

Фильм Александра Марьямова тем и силен, что все эти «диалектические противоположности» соизмеряет с простым и главнейшим — с человеческими судьбами. Казаки, бежавшие от большевизма, от «рассказывания». И — оказавшиеся на одном из исторических виражей в Италии в роли оккупантов, гитлеровских прислужников. А затем ялтинскими росчерками перьев Сталина и Черчилля выданные англичанами нашим. Такой вот переплет.

Фильм начинается кадром эпическим, светлым, дразнящим: священник в сияющей ризе идет по разнотравью. Альпийскому, так похожему на донское. Затем — краткие рассказы очевидцев трагедии, немногочисленных персонажей собственно фильма. Старики, старики. Порой не без труда подсчитывают они, сколько же им было в 44-м, если родился в девятьсот седьмом, родилась в девятьсот четырнадцатом...

И — панорамы кладбищ. Югославских. Австрийских. Североитальянских. Хотел бы добавить — «русских». Да надо — «гулаговских».

В какой-то момент уж и силы нет слушать их рассказы. О том, как brave английский майор объяснял: передать вас велено любой ценой, живыми или трупами. Старик дополняет «краской»: цвет офицерства сам себя развесил. В туалетах. В какую кабину ни загляни — в каждой по есаулу, а то и полковнику. И женщина добавляет «деталь»: офицер-казак, связав вожжами жену и детей, бросает их в Драву, потом — сам...

Много подробностей страшной нашей истории прошло перед нами, открылось за последние годы. Но эта документальная телеповесть о массовом самоуничтожении — уникальна. Говорю: самоуничтожение, имея в виду все этапы «долгой дороги», «туда» и «обратно». Включая расправу без суда и следствия над всеми. Это ли не геноцид? Фильм не о нем. О его действии и последствиях. Ведь сколько раз читал, знаю: генерал Краснов сотрудничал с фашистами. Участвовал в формировании казачьих соединений, служивших гитлеровцам. Был схвачен, судим, повешен в 47-м. Вроде бы все на месте: измена Родине, историческое возмездие. Но смотрю фильм А. Марьямова и испытываю чувство стыда. Ведь и сам-то я словосочетание «казачьи соединения» в этой приехавшей справке слишком долго воспринимал как-то нечеловеченно, абстрактно, вне живых судеб. Фильм напоминает именно о них. О том, как недорасказанные эмигранты, «изменники родины», «красновцы», потомственные пахари и воины, были свезены в Кузбасс. Выходит, они — отцы и деды многих сегодняшних прокопьевских шахтеров, пращуров авангарда нашей демократии?

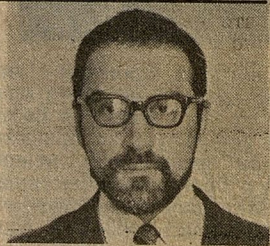
У меня много друзей в Италии. Сре-

ди них — люди разных убеждений. По поводу фильма Марьямова я кое от кого выслушал в свое время и такое: как, мол, ты мог добром отозваться о картине, где пробуждаются чувства добрые к тем, кто изменил «вам» и оккупировал, расстреливал «наш»? Но фильм-то и значителен тем, что не отводит глаз ни от какой из граней истины. Вглядывается в лицо католического священника, героя Сопротивления, которому каратели переломали хребет, а потом добились — за то, что единственный стал на пути отряда, выполнявшего зверский приказ германского командования. А отряд-то был казачьим.

Но фильм — именно об этом. О своего рода воспроизводстве зла, неизбежном там, где оно вылезло наружу и плодит, по спирали «накручивает» ситуации преступлений и наказаний, кровопролитий и возмездий. И — в чем сила этой ленты — понимаешь всех. Понимаешь не чистым умозрением, а именно так вот, пропуская драму истории через личные трагедии. Так возникает ключевая тема картины, набирающая к финалу все большую силу: тема прощения. Прощения — и примирения. Национального. Общечеловеческого.

Василий КИСУНЬКО.

Т

АК вышло. Несколько месяцев назад я не только видел премьерный показ этого фильма на телеэкране, но и чуть ли не единственный откликнулся на

183